

«ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» И ДРУГИЕ ПРАВИЛА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЛЕГАЛЬНОСТИ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «РЯДОВЫХ» И ПОЛИТИЧЕСКИ АФФИЛИРОВАННЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИИ

Мария Сакаева

Мария Сакаева – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Ухтинского государственного технического университета. Адрес для переписки: ул. Первомайская, д. 13, УГТУ, г. Ухта, Республика Коми, 169300, Россия. eu.sakaeva@gmail.com.

Автор выражает благодарность Алексею Елаеву за ценные юридические комментарии, данные в ходе написания статьи.

В статье рассматривается повседневная легальность предпринимателей, то есть процесс материализации права в их социальном опыте, ограниченном нормами и требованиями государственного регулирования частного бизнеса. На примере регионального кейса автор анализирует, как, посредством реконфигурации формального и неформального, представители малого и среднего бизнеса взаимодействуют с органами государственного регулирования и фигурами власти. Актуальность темы обусловлена тотальностью контроля и надзора экономической активности в современной России. Предприниматели в данном исследовании понимаются как социальные акторы, которые, являясь объектами воздействия со стороны закона, вместе с тем формируют поле воплощения закона в социальной жизни.

В статье показано, почему и каким образом опыт и ресурсы, обусловленные политической аффилиацией, открывают для предпринимателей с депутатским мандатом широкий спектр вариантов поведения в ситуациях взаимодействия с законом и его представителями. Сравнительный анализ повседневной легальности политически аффилированных и рядовых предпринимателей показывает, что на поведение акторов в зарегулированном пространстве влияют факторы (ресурсы, прошлый опыт, статус), которые запускают ограничительные или разрешительные эффекты

формальных институций. Основная идея статьи состоит в том, что политическую аффилиацию не следует понимать инструментально – как источник привилегий и благоприятствующих условий. Политический статус предпринимателей обуславливает возникновение разнообразных тактик сопротивления правилам госрегулирования (от звонка влиятельному другу до иска в суд), но не гарантирует исключительных правил игры. В то же время специфика социального пространства малого города размывает границы между формальным и неформальным, между законом на бумаге и законом в действии. Исследование проведено в одном из регионов Европейского севера России и основано на сборе качественного материала в 2013–2016 годах.

Ключевые слова: предпринимательство; повседневная легальность; мобилизация закона; постсоветские исследования; политически аффилированный бизнес; государственное регулирование

Избыточность регулирования отличает многие постсоветские рынки от западно-европейских (Чепуренко 2017; Aidis 2005). В сегодняшней России эффекты зарегулированной экономики и репрессивного законодательства в области экономической деятельности (подробнее см.: Четверикова 2016; Титаев и др. 2017) усугубляются зарегулированностью самого государства, когда целью и сутью контроля становится сам контроль (подробнее см.: Панях 2013). В таких условиях бизнесу практически невозможно скрыться от государства, что существенно повышает риски коррупционных схем и других «игр с законом» для обхода формальных ограничений (Кравцова 2012; Ledyayev and Chirikova 2017).

В то же время предпринимательская деятельность включает множество интеракций и ситуаций, которые предполагают обращение к праву, к правовым институтам и его представителям. С точки зрения присутствия закона в повседневной жизни, предприниматели принципиально отличаются от обычных граждан: они намного плотнее включены в правовое поле в связи с ведением предпринимательской деятельности. Они повсеместно сталкиваются с законом, стараясь привести свой бизнес в соответствие с требованиями контрольно-надзорных служб; они апеллируют к букве закона, защищая свои интересы в суде. Закон постоянно материализуется в фигурах чиновников городской администрации, пожарных и налоговых инспекторов, проявляется в форме писаных правил, которые в социологии права обозначаются как «закон на бумаге».

Эти замечания, хотя и являются общеизвестными, важны, поскольку привлекают внимание к плохо изученной в социологии предпринимательства теме: материализация права в повседневных практиках предпринимателей, в их социальном опыте столкновения с законом. Постановка такого вопроса требует экскурса в область социологии права, где, как подчеркивают исследователи, внимание по-прежнему сосредоточено на должностных лицах, правовых институтах, органах публичной власти и результатах их работы (Mather 2011). Сохраняется существенный пробел в анализе того, как разные аспекты социально-экономической реальности подвергаются реконфигурации посредством привлечения закона. Иными словами, за границами исследования остается вопрос о том, как разные социальные группы, чья профессиональная деятельность не связана с государственно-правовой сферой, понимают и интерпретируют право, при ка-

ких обстоятельствах они сталкиваются с законом и для каких целей с ним взаимодействуют.

Односторонний взгляд на поведение закона характерен для большинства исследований постсоветского предпринимательства, где понятие закона применяли инструментально – как водораздел между легальным и нелегальным, между формальным и неформальным (Яковлев и Фрай 2007; Панеях 2008, 2013; Хамфри 2010; Журавская 2011; Олейник 2011). В последнее время появляются работы, показывающие, что российские предприниматели не просто выбирают легализацию (Cherupenko 2018), а все активнее прибегают к правовым механизмам разрешения коммерческих споров и защиты интересов в тяжбах с государственными инстанциями. Об этом свидетельствует анализ обращений в арбитражный суд (Титаев, Дмитриева и Четверикова 2014). Отмеченные особенности социальной реальности и эпистемологического контекста, которые обнаруживают себя в случае с предпринимательством (как частью социального мира и как с объектом научного междисциплинарного изучения), позволили взглянуть на участников рынка через призму социально-правовой теории.

В статье я использую антропологический подход к анализу права (Silbey and Sarat 1987; Ewick and Silbey 1998, 2003). Этот подход предполагает поиск права в разных аспектах социального взаимодействия и изучение того, как социальные акторы интерпретируют себя и других, оценивают собственные действия и действия других в социально-правовом контексте. Я также исхожу из того, что статусные характеристики (например, пол или раса) должны учитываться не только при изучении правового опыта отличных друг от друга социальных групп (Ewick and Silbey 1998), но и при анализе разных категорий внутри одной группы. Политическая аффилиция является важным основанием для классификации субъектов бизнеса во многих переходных экономиках (Faccio 2006), включая постсоветские страны (Сакаева 2012, 2016; Левин 2014; Szakonyi 2018). Отталкиваясь от этой эмпирической реальности, в данной статье я представляю анализ правового опыта политически аффилированных и рядовых предпринимателей.

В задачи моего исследования входил сравнительный анализ представлений и опыта предпринимателей малого бизнеса в плоскости их отношений с законом, правовыми институтами и акторами, выступающими от имени закона. В центре внимания исследования находится вариативность роли закона в жизни бизнесменов: закон как окно возможностей, основание для сопротивления, объект манипуляции, оружие защиты, инструмент для достижения целей, основание для подчинения. Такой подход предполагает анализ социального поведения экономических агентов и позволяет посмотреть на закон как на социальную конструкцию и социальную практику, специфика которой определяется индивидуальным опытом, имеющимся ресурсами и доступными возможностями активизации разных аспектов социальной структуры (статус, иерархия).

В связи с высокой степенью зарегулированности малого бизнеса в России предмет исследования ограничен оценками государственного регулирования и правовыми практиками или доступными альтернативами, к которым прибегают политически аффилированные и рядовые предприниматели для снижения ри-

сков, обусловленных госрегулируем. Статья открывается дискуссией о том, зачем бизнесмены идут во власть и о чем может свидетельствовать феномен политической аффиляции. Далее описываются теоретико-методологические основания моего исследования и эмпирический материал. На базе качественных данных (интервью и включенное наблюдение), собранных в одном из российских регионов в 2013–2016 годах, будет рассмотрено, как политически аффилированные и не аффилированные предприниматели ведут себя в ситуациях, предполагающих обращение к закону как способу справиться с издержками государственного регулирования. Заключительная часть содержит анализ факторов, препятствующих и способствующих мобилизации закона двумя группами предпринимателей в случаях столкновения с государством и его агентами.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АФФИЛИЦИИ БИЗНЕСА: ФЕНОМЕН И ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Члены законодательных и исполнительных органов власти, которые продолжают работать в частном секторе после избрания, описываются в литературе как «политики на подработке» (*moonlighting politicians*) (Gagliarducci, Nannicini, and Naticchioni 2009). С середины 2000-х годов во многих электоральных демократиях фиксируется рост числа должностных лиц, совмещающих политику с коммерческой деятельностью (Geys and Mause 2013). В целом ряде стран депутатам разных уровней законодательно разрешено совмещать бизнес с политической активностью. Постсоветские государства, в том числе Россия, не являются исключением, что дает некоторым авторам основание характеризовать инкорпорацию бизнеса в российский парламент как захват государства (Gehlbach, Sonin, and Zhuravskaya 2010). В 2000-е годы наметилась тенденция пополнения региональных и муниципальных собраний депутатов представителями корпоративного бизнеса и частными предпринимателями. Этот показатель в региональных легислатурах составляет в среднем 50 процентов (Расторгуев 2012; Сакаева 2016).

Существует ряд объяснений прихода бизнеса в политику. Ситуацию, когда избиратели лишены реальных инструментов для отстранения политиков от власти в случае злоупотребления полномочиями, политические теории объясняют слабостью электоральных институтов (Szakonyi 2018:322). Повсеместное сращивание крупного бизнеса с политическими элитами интерпретируется как отдельное направление корпоративной деятельности в мировом бизнесе (Hadani and Schuler 2013). Экономисты также проявляют интерес к политической аффиляции бизнеса. В большинстве случаев этот феномен рассматривается через призму организационного подхода: объяснительные модели опираются на категории финансовых выгод (налоговые льготы, субсидии, госзаказы), которые получают политически аффилированные фирмы (Faccio 2006; Gehlbach et al. 2010). Хотя этот подход и демонстрирует тесную связь бизнеса и политики, очевидна ограниченность и односторонность изучения политической аффиляции через количественные показатели финансовой и налоговой активности фирм. Помимо того, что эти работы оценивают только крупные фирмы, они игнорируют тот факт, что фирмы управля-

ются людьми. Кроме того, предпринимательство является формой социальной активности, реализуемой как совокупность социально-экономических, персональных и групповых взаимоотношений, вписанных в институциональный и культурный контексты.

Значимость политического измерения предпринимательской деятельности в случае с Россией усиливается как минимум двумя обстоятельствами. Первое касается качества государственных институтов, поскольку имитационный характер демократии усугубляет негативные эффекты захвата политических структур бизнесом. Второе связано с укорененной неформальностью и персонализмом в политической жизни регионов и городов (Ledyayev and Chirikova 2017). При этом в вопросе взаимоотношений власти и бизнеса корпоративный сектор и федеральный уровень власти привлекают гораздо больше внимания, чем сектор малого и среднего предпринимательства и локальное измерение политики. Такое положение дел кажется необоснованным в связи с широким присутствием предпринимателей во властных структурах регионального и местного уровня (Расторгуев 2012; Сакаева 2012; Sakaeva 2019).

В силу уязвимости малого бизнеса разные формы его политической аффилиции представляют важный предмет социально-экономического изучения российского предпринимательства. В частности, практический опыт использования политического ресурса в качестве инструмента защиты встречается в региональных исследованиях, которые обнаруживают принципиальное отличие малого бизнеса от крупного в плоскости актуализации политического капитала (Курбатова, Левин и Апарина 2005; Левин 2014; Sakaeva 2019). Если в случае малого бизнеса можно говорить, скорее, о доступе к дополнительным возможностям выживания (доступ к должностным лицам, защита от силового давления или преодоление административных барьеров), то крупный бизнес заинтересован в политическом влиянии и закреплении доминирующей позиции на рынке за счет финансовых и фискальных привилегий (Faccio 2006; Gehlbach et al. 2010; Szakonyi 2018).

Что касается законодательных рамок деятельности российских «политиков на подработке», закон налагает строгие ограничения на депутатов и сенаторов обеих палат Федерального собрания: они не могут заниматься предпринимательской или другой оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и творческой¹. В 2013 году в «Закон о статусе депутата Государственной думы» была внесена поправка о том, что депутаты не могут участвовать в деятельности коммерческих организаций². Вслед за федеральным уровнем последовали изменения в региональных законах. В 2013 году депутаты региональ-

¹ Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной думы Федерального собрания РФ».

² Глава юридической службы КПРФ Вадим Соловьев так прокомментировал газете «Коммерсант» это решение: «Смысл изменений не совсем понятен: раньше закон предполагал запрет на участие в коммерческой деятельности, а теперь получается, что вроде как можно, если не принимаешь участия в работе органа управления компании». Подробнее: Софья Самохина, «Госдума уточнила понятие коммерческой деятельности депутата», *Коммерсантъ*, 24 июня 2013 г. <http://www.kommersant.ru/doc/2218712>.

ных legislatures лишились права на коммерческую деятельность в любом виде, включая право «заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц» или «участвовать в управлении хозяйствующими субъектами независимо от их организационно-правовых форм»³. Прежние нормы также запрещали депутатам региональных собраний заниматься предпринимательством в случае если деятельность осуществляется на профессиональной постоянной основе.

До и после внесения поправок ограничения на предпринимательскую деятельность или участие в управлении бизнесом касаются только депутатов, работающих на постоянной основе, то есть получающих заработную плату. Их количество в региональных парламентах законодательно лимитировано, что официально объясняется необходимостью экономии бюджетных средств на содержание депутатского корпуса. В исследуемом регионе в 2015 году закрепили норму об оплате деятельности не более десяти депутатов из 30-ти в составе регионального парламента⁴. Если говорить об органах местного самоуправления, то, согласно федеральному законодательству, доля лиц, осуществляющих депутатские полномочия на постоянной основе, может составлять не более 10 процентов от численности собрания⁵.

СПРОС БИЗНЕСА НА ПРАВО И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЛЕГАЛЬНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

В социологии предпринимательства достаточно много внимания уделяется неформальным институциональным аспектам ведения бизнеса: мотивация предпринимателей, восприятие государственной политики, предпринимательские навыки. Нужно отметить литературу об институциональном замещении, когда устойчивость и масштабность неформальности в переходных экономиках оценивается как механизм компенсации негативных эффектов формальных институтов (Batjargal 2007; Polese 2014). Несмотря на, казалось бы, обширную библиографию о предпринимательстве в неформальном измерении⁶, взаимоотношения предпринимателей непосредственно с правом и с правовыми институтами интерпретируются на основании анкетных опросов об эффективности правовых институ-

³ Такие типовые поправки были внесены в законы о статусе депутата. См., например: ст. 7 п. 3 «Закона о статусе депутата» Псковского областного собрания депутатов, принятого 26 апреля 2007 года: «В случае если деятельность депутата Собрания осуществляется на профессиональной постоянной основе, указанный депутат Собрания не может заниматься предпринимательской, а также иной оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации». Аналогичные, не детальные, положения содержались в законах о депутатском статусе в других российских регионах.

⁴ Прежний минимум составлял 20 человек.

⁵ Ст. 40 Федерального закона «О местном самоуправлении в Российской Федерации».

⁶ Обзор современных исследований на эту тему: Webb et al. (2013).

тутов и о доверии к судам. Опросы показывают, что представители российских предприятий как в 1990-е (Hendley, Murrell, and Ryterman 2000), так и в 2000-е годы (Яковлев и Фрай 2007) довольно высоко оценивали эффективность судов в разрешении споров. У таких исследований два основных ограничения. Во-первых, в выборку попадают, как правило, крупные и средние фирмы, которые объективно превосходят малый бизнес в возможностях мобилизации закона и соответственно обладают большим опытом судебной защиты.

Во-вторых, доверие к правовым институтам не всегда коррелирует с готовностью индивидов обращаться к ним. Как подчеркивает Федерико Варезе, обращение в суд не является прямым индикатором доверия граждан к судам или показателем их эффективности. Скорее, это говорит о восприятии государства как грабителя, правила, процедуры и решения которого необходимо оспаривать (Varese 2001:49). Нужно добавить, что судебная статистика по экономическим разбирательствам фиксирует только часть споров потому, что малое число социальных конфликтов в целом находит отражение в судебных решениях (Блэк 2014:133).

Сторонники антропологического поворота в социально-правовых исследованиях отмечают, что суд не является единственным правовым институтом, посредством которого возможна мобилизация закона. Концепция мобилизации закона как таковая существенно ограничивает наши представления о способах и формах разворачивания права в социальной жизни (Silbey and Sarat 1987; Ewick and Silbey 2003). Если спроецировать эти замечания американских социологов на российскую систему, то в число государственных органов, куда предприниматель имеет право обратиться для защиты интересов, входит прокуратура, ФАС, Роспотребнадзор. Главным методологическим недостатком блока социальных наук под названием «Право и общество» является утверждение о существовании институциональной границы между законом и не законом (Ewick and Silbey 1998:19). Это допущение, как уже отмечалось, объясняется эмпирическим фокусом на легальных институтах. Представители социальных наук давно призывают к поиску права в повседневных социально-экономических отношениях (Silbey and Sarat 1987; Mather 2011). Однако эмпирических исследований, которые бы помещали в фокус внимания индивидов или социальные группы, а не правовые институты, организации, процедуры или профессиональные группы (адвокаты, судьи) не так уж много. В результате область социологии права по-прежнему ограничена рамками криминологии и судопроизводства (подробнее см.: Блэк 2014).

В своем исследовании я использую концепцию повседневной легальности, которая предполагает поиск права, в том числе за границами легальных институтов. Понятие *повседневной легальности* (*everyday legality*) разработано социологами Патрисией Эвик и Сьюзан Силби в ходе исследований образа и опыта права в США (Ewick and Silbey 1998). Легальность понимается как социальная структура, «активно и постоянно продуцируемая» не только в том, что люди делают, но и в том, что они говорят (Эвик и Силби 2014:222). Повседневная легальность включает в себя значения, восприятия и культурные практики, которые распознаются людьми как легальные в их повседневной жизни (Ewick and Silbey

1998). Изучение повседневной легальности предполагает нахождение точек пересечения и узлов противоречий между представлениями о праве и правовым опытом индивидов.

Идея Эвик и Силби о постоянном присутствии закона в жизни обычных граждан в случае с российскими предпринимателями приобретает особую значимость: 36 федеральных органов осуществляют контроль и надзор предпринимательской деятельности. В данной работе я следую предлагаемой названными исследователями логике рассуждений, где закон может быть инструментом достижения интересов, а право – предметом усвоения и воспроизведения. Используя их выводы о том, что социальный статус определяет содержание нарративов о праве и правовой опыт людей, я предполагаю, что депутатский статус выполняет подобную функцию. Для меня также важно было понять, почему и как предприниматели используют, не используют или ошибочно используют закон в своей повседневной предпринимательской деятельности и в исключительных случаях, требующих мобилизовать закон посредством обращения в суд. В некотором смысле Эвик и Силби переработали типологию форм взаимодействия индивидов с законом, предложенную Лоуренсом Фридманом (Friedman 1971): использовать, не использовать, ошибочно использовать закон.

В России образ и опыт права сложно отнести к числу популярных тем. Среди масштабных исследований можно отметить только сравнительный анализ опыта России и Франции, где было показано влияние социальных изменений 1990-х начала 2000-х годов на представления людей о государстве, на место закона в их жизни (Курильски-Ожвэн, Арутюнян и Здравомыслова 1996; Арутюнян, Здравомыслова и Курильски-Ожвэн 2008). Для меня анализ общего и особенного в представлениях политически аффилированных и не аффилированных предпринимателей о законе были важны в той степени, в которой они относятся к государственному регулированию.

Итак, несколько слов о том, как я определяю регулирование. Я рассматриваю регулирование, как институцию, которая ограничивает свободу акторов и одновременно позволяет им достигать целей. Эффекты институтов (выгоды или издержки) Энтони Гидденс объяснял разницей навыков, способностей и ресурсов, которыми обладают индивиды и группы для мобилизации системы (Цит. по: Олейник 2011:233). В дискуссиях о двойственном характере институтов нельзя не упомянуть монографию Станислава Маркуса о захвате и защите собственности в России и Украине в 2010-е годы (Markus 2015). Маркус настаивает на том, что траектории развития прав собственности во многих постсоветских странах опровергают и опережают макротеории⁷, которые не способны объяснить вариации внутри моделей или парадоксы системы прав собственности в переходных экономиках (Markus 2015:12).

Для меня важен вывод Маркуса о многочисленности участников рынка, которым выгодна слабость институтов и отсутствие верховенства права: такие участники за нарративами о «плохом» государстве скрывают свои предпочтения в

⁷ В первую очередь он критикует теорию закрытого и открытого доступа Дугласа Норта, Джона Уоллиса, Бари Вайнгаста, а также теорию экстрактивных и инклюзивных институтов Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона.

пользу неформальных практик (Markus 2015:112). Идея исследователя о том, что сильные институты в условиях нестабильных рынков выгодны далеко не всем, в некотором смысле перекликается с замечаниями Гидденса о роли влиятельных агентов и групп в процессе трансформации институтов. Индивиды и коллективные акторы по-разному балансируют между ограничениями и возможностями, которые обуславливаются структурой. Одни обладают способностью и возможностью мобилизовать систему в соответствии со своими предпочтениями, а также могут сдерживать институциональные изменения для достижения групповых интересов в ущерб общественному благу. Для других, как отмечает Гидденс, баланс менее выгоден: институты, скорее, ограничивают их действия, нежели помогают в достижении целей (цит. по: Олейник 2011:238–239).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Учитывая тесное переплетение с неформальностью, тема политически аффилированных предпринимателей относится к числу закрытых. Как подчеркивает Александр Чепуренко, в социологических исследованиях предпринимательства невозможно создать какую-либо репрезентативную выборку предпринимателей, прибегающих в той или иной форме к неформальным практикам (Чепуренко 2018:810). Не случайно качественные исследования занимают в социологии предпринимательства особое место. Большое количество работ о российском малом бизнесе стало результатом анализа практик, сложившихся на региональном или локальном уровне. Сбор качественного материала в отдельном регионе продемонстрировал свою обоснованность в междисциплинарных исследованиях бизнеса как в контексте прав собственности (Панеях 2008; Сакаева 2012; Varese 2001; Polese 2014; Rochlitz 2017), так и при анализе взаимоотношений бизнеса и политики на локальном уровне (Олейник 2011; Левин 2014; Szakonyi 2018)⁸.

Преобладающий профиль нарративов владельцев малого и среднего бизнеса, с которыми я разговаривала в 2009, 2013 и 2014 годах, отличался подробными описаниями препятствий со стороны государства, негативными оценками государственной политики, критикой законодательства и чиновников. Хотя основной темой моих более ранних исследований была роль депутатского статуса в бизнесе (Сакаева 2012, 2015), анализ нарративов выявил существенные различия между предпринимателями с политической аффилиацией и без нее в представлениях о законе, о правовых институтах и фигурах власти. Еще очевиднее эта разница при взаимодействии с законом и его представителями. Поэтому для сбора дополнительного эмпирического материала в 2016 году я провела серию интервью и посетила ряд бизнес-мероприятий.

Эмпирическую базу исследования составили два массива данных. Основным источником стали 25 глубинных и экспертных интервью, проведенных в одном из

⁸ Эти и отмеченные выше статьи и монографии стали результатом сбора качественного материала в следующих российских регионах и городах: Пермь и Пермский край; Санкт-Петербург; Москва; Кемеровская, Томская, Рязанская и Новосибирская области; Хабаровский край; Республика Татарстан.

регионов Европейского севера России в 2013–2014 годах и в 2016 году (17 и 8 интервью соответственно)⁹. Регион является периферийным, отличается инфраструктурной отсталостью, высокими показателями убыли населения¹⁰ и другими негативными социально-экономическими тенденциями. Одним из главных экономических факторов неблагоприятного развития малого бизнеса в регионе является сырьевой характер экономики.

Интервью проводились с тремя группами респондентов: представители малого и среднего бизнеса, депутаты муниципального собрания и регионального парламента с аффилиацией в бизнесе и без нее, эксперты. В число последних вошли руководители бизнес-ассоциаций и торгово-промышленной палаты, юристы по защите прав предпринимателей, менеджеры крупных компаний, представители аппарата уполномоченного по защите прав предпринимателей. Информанты из бизнеса чаще всего являлись представителями розничной и оптовой торговли, также сферы недвижимости, общественного питания, рекламы, строительства и лесного бизнеса¹¹. Большинство опрошенных предпринимателей имеют внушительный опыт: они пришли в бизнес либо в 2000-х годах, либо еще в 1990-х. Все информанты от бизнеса являются собственниками или директорами официально зарегистрированных фирм¹², имеют штат наемных сотрудников.

С большинством информантов разговор начинался с вопроса об оценке бизнес-среды в России и регионе. Кроме того, я просила поделиться личными бизнес-историями, мотивами прихода в бизнес и в политику, а также рассказать истории знакомых им предпринимателей. В ходе интервью я пыталась подвести собеседников к оценкам и рассказам о практическом опыте, связанном с угрозами для ведения бизнеса, и о способах защиты, сопротивления контролю, о стратегиях навигации в пространстве госрегулирования. Различия в возможностях, доступных политически аффилированным и рядовым предпринимателям, определяются благодаря анализу нарративов, сконструированных вокруг этих ключевых тем.

⁹ Название городов и региона не указывается, поскольку речь идет о небольшом городе с населением около 240 тысяч человек. Круг опрошенных мною экспертов является довольно узким и включает обладателей специфических должностей (например, уполномоченный по защите прав предпринимателей). Кроме этого, в статье приводятся конкретные истории, участники которых также могут быть распознаны по нарративам.

¹⁰ По прогнозам Росстата, к 2035 году население региона сократится более чем на 100 тысяч человек.

¹¹ Разделение между сферами в ряде случаев является условным. У одного предпринимателя может быть несколько фирм в разных отраслях. Информанты этой информацией делились неохотно, маркируя ее как коммерческую тайну.

¹² Для целей моего исследования не было важным, является информант собственником или только управляющим. Кроме того, когда речь идет о депутатах от бизнеса нередко формальным собственником являются близкие родственники. Я не акцентировала на этом внимание, поскольку в случае с политически аффилированными бизнесменами не рассматриваю юридический статус собственника как принципиальный фактор, влияющий на экономическое поведение предпринимателя.

Второй массив данных составили наблюдения и аудиозаписи¹³ с круглых столов, заседаний рабочих групп и дискуссионных площадок в рамках бизнес-форума, который состоялся в столице региона весной 2016 года и собрал около 400 участников из регионов Северо-Западного федерального округа. Дискуссии касались давления на бизнес, административных барьеров, коррупции, прокурорского надзора и защиты предпринимательства.

РЕГУЛИРОВАНИЕ: МЕЖДУ ЗАКОНОМ И СТРУКТУРНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ

Регулирование – это процесс, в который включены объекты регулирования и агенты регулирования, действующие в рамках определенных структур на основе установленных процедур и формально закрепленных правил. Основными инструментами госрегулирования являются лицензирование, сертификация и проверки. Для сравнительного анализа поведения предпринимателей в сфере госрегулирования я выбрала проверку по нескольким причинам. Во-первых, с этой формой контроля сталкиваются все вне зависимости от сферы деятельности. Во-вторых, я определяю проверку не просто как процесс поиска, выявления, фиксации нарушения и определения размера санкций, а как форму социального взаимодействия. С точки зрения теории повседневной легальности, проверка, сертификация и лицензирование являются ограничительными рамками, которые на основании авторитета писаных правил задают формат и содержание взаимоотношений индивидов с правом.

Зафиксировать социальную природу госрегулирования позволяет опыт малых и средних предпринимателей, поскольку, как правило, проверка предполагает непосредственную коммуникацию владельца фирмы с инспектором той или иной службы¹⁴. Таким образом, экономические агенты непосредственно сталкиваются с законом, то есть включаются в опыт повседневной легальности – как по собственной воле, так и по требованию государственной машины. Анализ эмпирических данных показывает, что в коммуникации между сторонами нет универсальных правил или строгого алгоритма. Результат договоренностей может определяться и размером взятки, и фактом личного знакомства предпринимателя с руководством контролирующей инстанции, и устоявшимся доверительным контактом с инспектором, и доброй волей инспектора. Случаи, которые информанты определяют общим кодом «договорились», очень разнообразны, но при этом можно выделить ряд общих правил.

ПРАВИЛО «ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ».

Ужесточение контроля и внеплановых рейдов, вызванных трагедиями с большими человеческими жертвами, стали привычными в 2010-е годы. В качестве форс-мажора, повлекшего заметное ужесточение пожарного надзора, сразу несколько ин-

¹³ Общий объем аудиозаписей на публичных мероприятиях составил около 300 минут.

¹⁴ В случае с крупной компанией в коммуникацию с представителями проверяющих органов вступают менеджеры разного уровня в зависимости от специфики проверки.

формантов в интервью 2013–2014 годов упоминали пожар в Перми¹⁵, который произошел задолго до интервью – в 2009 году. Так, один из информантов в контексте проверок не раз подчеркивал, что не хотел бы «быть директором “Хромой лошади”». Очевидно, что в сознании информантов эта трагедия закрепилась как некий рубеж, после которого пожарный контроль ужесточился.

Правило «черного лебедя» показывает, каким образом предприниматели подходят к границе между законом и не законом, под влиянием каких обстоятельств обозначается линия, за пределами которой игнорирование нормативов и требований контролирующих органов чревато санкциями. Например, один информант (депутат городского совета) рассказал, как практически сразу после трагедии в Перми инспекторы обратились к букве закона, потребовав установить пожарный выход. Причем прежде, судя по рассказу, ни одна из сторон даже не владела точной информацией о нормативах. Если допустить, что требование о запасном выходе не было нововведением, то получается, что заключенное когда-то «по связям» соглашение «закрывать глаза» на его отсутствие утратило свою легитимность, уступив место строгой легальности.

Требования у пожарных меняются каждые три-четыре года. Они пришли и сказали, что в подвале [магазин в подвальном помещении] должен быть выход запасной. А конструкция дома такая, что выход невозможно сделать. Я говорю: «А как?». Они: «Лучше всего, если ты закроешься». Я посчитал, в минусе не был, немножко плюс. Решил: не буду мучиться – бесполезно, все равно закроют, потому что невозможно.

М. С.: А когда открывались, не было такого требования?

Не было или было требование – все по связям делается: «Ну ладно, ты нам там принеси того, того, мы типа так». А потом, когда гореть начали по России, они испугались, ужесточилось все (интервью с депутатом городского совета С., бизнесмен, 2013).

Игра в легальность демонстрирует не только отсутствие институциональных границ между законом и не законом (о чем писали антропологи права), но и показывает подвижность и непредсказуемость этих границ, причем властью по их выстраиванию обладают обе стороны – бизнесмен и контролер.

КОМПРОМИСС ЗА СЧЕТ ВАРИАТИВНОСТИ.

Политически аффилированные бизнесмены обладают более широким пространством для игры с нормами и процедурами контроля. Их навигация в пространстве госрегулирования подчинена логике уменьшения ущерба через частные договоренности с должностными лицами, знакомство с которыми обусловлено их статусом или предыдущим профессиональным опытом. Цель этих маневров – снизить издержки нарушения правила за счет законодательных лазеек и вариативности

¹⁵ Пожар в пермском ночном клубе «Хромая лошадь», произошедший 5 декабря 2009 года, повлек смерть 156 человек.

норм, не выйдя при этом за рамки закона. Например, если нарушение предусматривает штраф организации в 50 000 рублей или штраф продавцу в 1000 рублей, то у депутата больше шансов воспользоваться вторым вариантом, позвонив начальнику соответствующего ведомства (ситуация из интервью 2013 года).

Следующий фрагмент описывает сюжет с депутатом городского совета, который владел сетью продуктовых магазинов. Он также входил в состав координационного совета территориального управления ФАС России.

Приходит налоговая – у вас тут типа неправильно, вам корячиться на 5 миллионов, но можно договориться и на три. Они могут так накатить, а могут и по-другому. Вот к X недавно пришли, нашли нарушение одно в 150 тысяч, а тут сеть магазинов. Они накатали сначала сразу три миллиона, но в итоге накатали 300 тысяч (интервью с депутатом городского совета С., бизнесмен, 2013).

Случай был описан другим депутатом городского совета, также владельцем нескольких продуктовых магазинов. Он убежден, что «скидка на штраф» обусловлена политическим статутом нарушителя. Насколько это соответствует действительности, сказать трудно. Но этот сюжет подтверждает выводы Маркуса о том, какое влияние на институциональное оформление и защиту прав собственности оказывают группы, не заинтересованные в прозрачных, стабильных и однозначных правилах игры (Markus 2015). Как показывает мое поле, вариативность норм выгодна тем владельцам бизнеса, которые обладают ресурсами (статус, политическое влияние, деньги) для достижения компромисса в случаях столкновения с органами контроля и надзора.

«ПО ЗАКОНУ – ТРУДНО, ЗА ВЗЯТКУ – РИСКОВАННО».

Выбор между строгим следованием регламентам и личными договоренностями информанты объясняют по-разному, опираясь на противоречивые и даже противоположные логики. Одни испытывают ностальгию по взяткам и «откатам», поскольку они значительно упрощали и ускоряли транзакции. Другие, напротив, отдают предпочтение рыночным механизмам, поскольку «телефонное право» и неформальные договоренности с главой городской администрации или со знакомыми в погонах оборачиваются зависимостью. Некоторые бизнесмены с депутатским мандатом вообще не проблематизируют взятки: «Можно дружить со всеми, дружить с чиновником, и можно не платить. Город же маленький, все в одних дворах росло, в одну школу ходили» (интервью с депутатом городского совета Б., бизнесмен, 2015).

Респонденты используют как культурное, так и структурное объяснение трансформации коррупционных практик. С одной стороны, чиновники по-прежнему склонны к коррупции, но «всего боятся» в связи с антикоррупционной политикой. С другой стороны, взяточничество объясняют структурными причинами, определяя чиновников как жертв системы, вынужденных играть по установленным правилам.

Нарративы о коррупции показывают подвижность границы между законом и не законом, а также вскрывают двойственность предпринимательского сознания относительно запрещенного и разрешенного. Более того, очевиден разрыв между практиками, которые являются привычными и разрешенными социальными действиями, но запрещенными, негласными в публичных беседах. Дело в том, что информанты обеих групп избегают слова «коррупция» и связанных с ним категорий. Они или имплицитно исключают тему коррупции (вообще нет упоминаний коррупции), или эксплицитно (говорят, что коррупции нет, что они взятки не платили). При этом те же депутаты свободно рассказывают об опыте решения проблем с проверяющими органами по «личным связям», «по знакомству», не имплантируя эти истории в структуру коррупции. В нарративах о «полезных знакомствах» депутаты от бизнеса упоминают различные фигуры власти: «начальник милиции», руководитель городской администрации или его заместители, начальник налоговой инспекции, заместитель прокурора и даже жена бывшего губернатора.

КОНТРОЛЕР КАК СОЮЗНИК.

Опыт рядовых бизнесменов иллюстрирует договоренности, не основанные на дружбе или социальных связях. Результат взаимодействия с проверяющим может зависеть от случайностей, от способности импровизировать, не упустить подвернувшийся шанс, от человеческого фактора – то есть всего того, что информанты интерпретируют как «просто повезло», а социологи права обозначают как разные проявления повседневной легальности. Речь идет о случаях когда для обеих сторон очевидна невыполнимость норм в силу их чрезмерности, абсурдности, неоправданных затрат на выполнение (сделать перепланировку магазина, заменить все витрины, арендовать другое помещение). К типичным случаям относится игнорирование несущественных нарушений, например, количества схем эвакуации или расстояния между витринами в магазине.

Пока я это все делала неделями, придумали новый норматив – торговая площадь в магазине должна быть не меньше определенной площади. У меня как раз меньше получилось. [...] Пошла к начальнику отдела, не помню, как называется уже. Он сказал: «Ну ладно, в договоре исправьте вот такую цифру на другую». То есть он сам мне предложил, как их же и обмануть самих! В итоге мне все разрешили. Я этого начальника не знала, просто пришла. Если все нормально объяснить, то все можно уладить. Нормальные люди там работают, это система делает их такими (интервью с владельцем магазина оргтехники, 2013).

Описанный сценарий показывает ограниченность оценок, представляющих чиновника либо исключительно в роли враждебно настроенного должностного лица (Панеях 2008), либо как агента захвата бизнеса (Markus 2015). Регулирование принимает такие абсурдные формы, что фактически не предусматривает и не допускает вероятность идеального исхода – отсутствие нарушений. В результате «обмануть государство» стремятся все. Вот, например, как один из информантов описал имитацию нарушения в ходе коммуникации с инспектором противопожарной службы.

Приходят пожарные и просят показать журнал, план эвакуации, покажите, покажите, покажите – и он сдувается, сдувается инспектор. И говорит: «Слушай, я должен что-то написать». Отрываем бирку с одного огнетушителя, приклеиваем, и он пишет: «Данное нарушение было устранено в процессе проведения проверки». Ему хорошо, как он проверил. А мне насколько хорошо, потому что я все посмотрел: пожарная сигнализация, огнетушители стоят везде (интервью с владельцем сети магазинов, 2014).

Представленный анализ предпринимательского опыта показывает, что процедура и итог проверок как одного из основных инструментов государственного регулирования бизнеса определяются не четким следованием стандартам, а договоренностями между сторонами, их субъективными оценками правил, их частными интересами. Право здесь может выступать как основа стратегических договоренностей, когда обе стороны приходят к компромиссу с минимальным для себя ущербом. В этом случае отношения с законом становятся прагматичными рутинными практиками, с которыми сталкиваются оба типа предпринимателей. Принципиальная разница между ними состоит в границах возможного, в способности обернуть формальное правило в свою пользу. Обычные предприниматели имеют ограниченный потенциал влияния на поведение закона, довольствуются случайностью и ситуативностью. Депутатский статус обеспечивает предпринимателей большими ресурсами, тем самым увеличивая их шансы на успех в игре с органами контроля и надзора.

МОБИЛИЗАЦИЯ ЗАКОНА КАК НОРМА И ИСКЛЮЧЕНИЕ

Как отмечают Эвик и Силби, право отражает структуру социального неравенства (2014:223). Эмпирические исследования российских судов показывают, что закон не является ни идеалом объективного права, ни воплощением принципа верховенства права. Судьи более благосклонны к представителям статусных социальных групп (Волков 2014), а судебные тяжбы бизнеса с госорганами менее перспективны по сравнению со спорами между коммерческими оппонентами (Титаев, Дмитриева и Четверикова 2014). Мое поле дополняет эту картину выводами о том, что возможность быть услышанным и вероятность реализовать свои индивидуальные требования через суд определяется не качеством правовых институтов и содержанием правовых процедур, а наличием политического или административного статуса, который и снабжает его обладателей ресурсами борьбы. Вместе с тем анализ мобилизации закона малыми предпринимателями формирует альтернативный, более позитивный образ российских судов, которые нередко рассматриваются как инструмент преследования бизнеса (Четверикова 2016).

СУДЕБНАЯ ТЯЖБА КАК ВОЙНА

Напомню, что повседневная легальность проявляется не только в актах обращения к правовым институтам, а каждый раз когда индивиды интерпретируют и конструируют реальность в категориях права (Ewick and Silbey 1998). Надо сказать, что даже с точки зрения присутствия правовых понятий нарративы полити-

чески аффилированных предпринимателей существенно отличаются от историй рядовых бизнесменов. Прежде всего они гораздо чаще делятся историями судебных тяжб с органами МСУ, фискальными и контролирующими инстанциями: Роспотребнадзор, Россельхознадзор, Фонд социального страхования, Пенсионный фонд России. Как правило, этот тип предпринимателей описывает ситуацию конфликта с контрольно-надзорными органами как противостояние, сквозным является образ войны. Закон одновременно выступает полем конкуренции, ареной борьбы, инструментом защиты интересов. Рядовым предпринимателям свойственна эмоциональная и негативная оценка правовых институтов. Политически аффилированные бизнесмены, напротив, говорят о своих шансах и мотивациях рационально, описывают судебные тяжбы в категориях стратегического действия. Мобилизация закона для них – это норма, рутинная предпринимательская практика.

Жалобы на действия госорганов и волокиту муниципальных властей являются маркером предпринимательской идентичности, нарративы о таком опыте нередко окрашены морально-этическими аргументами: «Я судился, два суда выиграл, один проиграл. Я бился за свое честное имя, что я не нарушитель, и мне удалось это в судах доказать. [...] Я доказал в судах, что я не верблюд» (интервью с владельцем сети магазинов П., 2014). Анализируя интервью, я пришла к выводу, что результатом правовых разбирательств является не только решение суда в пользу истца, но и репутация упорного и успешного борца с системой, правовые навыки, накопленные методом проб и ошибок.

Немаловажным мотивом судебных тяжб является сокращение налоговых издержек, в частности, посредством оспаривания социальных обязательств. Один из бизнесменов (депутат горсовета) упомянул судебные тяжбы с Пенсионным фондом. Характерно, что говорил он об этом в категориях игры, а не сопротивления, осознавая свою силу, способность «обставить государство», демонстрируя уверенность в своей правоте: «Я вот не люблю пенсионный фонд, не доверяю. Я им ничего не плачу, воюю с ними, суды выигрываю, но ничего не плачу» (интервью с депутатом городского совета Б., бизнесмен, 2015).

Политически аффилированные бизнесмены объясняют свой успех в судебных тяжбах с государственными инстанциями личными качествами, убеждениями, выражая то рациональное, то более эмоциональное отношение к закону и правовым институтам. Они подчеркивают значимость личного опыта и связей и одновременно довольно высоко оценивают качество работы суда. В связи с объективными ограничениями поля и спецификой информантов на определенном этапе я оставила попытки выяснить причины столь успешного апеллирования к закону и посмотрела на ситуацию под другим углом.

ЧТО ДОЗВОЛЕНО ЮПИТЕРУ, НЕ ДОЗВОЛЕНО БЫКУ

Вопрос не в том, что способствует высокому потенциалу аффилированных с властью бизнесменов, а в том, чем ограничиваются возможности мобилизации закона в случае с рядовыми предпринимателями. Здесь я исхожу из двух предпосылок: двойственность институтов и двойственность бюрократизированных процедур.

Как отмечает Гидденс, в социальной реальности закон не является водоразделом между запрещенным и разрешенным. Границы между ними переопределяются акторами, способными трансформировать институты и реконструировать ограничения в соответствии со своими предпочтениями (цит. по: Олейник 2011:233–234). Как добавляют Эвик и Силби, успех определяется двойственностью бюрократизированных процедур, структурирующих правовые действия. Особенности государственной бюрократии, будь то суд или полиция, могут способствовать или препятствовать достижению законности (Эвик и Силби 2014:225). Случай рядовых предпринимателей иллюстрирует как раз второй вариант, когда обращение в суд не является инструментом выражения индивидуальных требований и оборачивается давлением на бизнес со стороны местных властей, причем совершенно законными способами.

Человек хотел выкупить [помещение] по нашему 159 ФЗ о льготном выкупе помещений, через два года аренды. С 2012-го года пишет письма в администрацию – продайте мне. Муниципалитет ничего лучше не придумал, как перевести помещение в оперативное управление, которое стало невозможно выкупить. Перевел после того, как предприниматель написал свое первое заявление. Он прошел два суда арбитражных, выиграл, написано в решении суда, что администрация препятствует развитию предпринимательства. [...] Вчера администрация присылает письмо: «У вас закончился договор аренды, прошу освободить арендуемое помещение» (круглый стол «Снижение административных барьеров», уполномоченный по защите прав предпринимателей в регионе, юрист, 2016).

В целом предприниматели без политической аффилиции предпочитают обращаться в суды в крайних случаях, считая законные средства ненадежными, недостаточными, бессмысленными в тяжбах с госорганами. Апелляция к праву – это исключение, действие, нарушающее течение нормальной жизни, отвлекающее и без того дефицитные ресурсы от бизнеса. В число негативных факторов входит отсутствие опыта правового сопротивления, недостаток специальных знаний и информации, дефицит времени, отсутствие денег на оплату услуг адвокатов и юристов. Спрос на правовые механизмы ограничен процедурными особенностями российского судопроизводства. Во-первых, обжалования и судебные тяжбы могут длиться месяцами и годами. Во-вторых, судебное решение или прокурорское предписание не всегда приводит к восстановлению в правах.

Обращаюсь в итоге к уполномоченному по правам предпринимателей. Значит, пишем обращение в прокуратуру, собрали круглый стол в Роспотребнадзоре [...]. А контроля, окончательного результата нет с вашей стороны [со стороны прокуратуры]. Вы считаете, это нормально? Нормативные сроки – два месяца на лицензирование. А тут – семь. Хожу и пишу, хроника обращений. И еще история не закончилась. Антимонопольная два месяца будет рассматривать, вы [прокуратура] месяц бумаги держали (круглый стол «Снижение административных барьеров», директор стоматологической клиники, 2016).

В-третьих, использование правовых механизмов ограничено экономической зависимостью предпринимателей. Этот тезис ярко иллюстрируют практики госзаказов в муниципалитетах. Госзаказы, особенно в сельских районах, являются единственным источником выживания для мелких предпринимателей: через систему госзаказов муниципальные органы власти заказывают различные услуги и товары, от уборки снега до поставки продуктов в детский сад. Проблема вынужденного предпринимательства в исследуемом мной регионе усугубляется высоким уровнем безработицы и бедности. Если прибавить к этому растущий дефицит муниципальных бюджетов, неудивительно, почему к концу 2017 года число неплаченных муниципальных контрактов в регионе составляло 2412, с общим объемом в 171 миллионов рублей.¹⁶

Один предприниматель обратился к нам в организацию [региональное отделение всероссийской бизнес-ассоциации]. Я, говорит, не могу дать показания, потому что меня внесут в черные списки и я больше никогда участвовать в конкурсах не буду. [...] Люди боятся писать в адрес прокуратуры на предпринимателя такого-то, потому что ему поставят черную метку, извините меня, и до свидания. [...] А по ответственности глав муниципальных образований. Ему штраф в 20 тысяч выписали, а он потом себе написал заявление, что прошу оказать материальную помощь из средств муниципального бюджета и эти деньги себе в карман положил (бизнесмен П., заместитель председателя регионального отделения всероссийской бизнес-ассоциации, запись с круглого стола, 2016).

Общее содержание дискуссии за этим круглым столом отличалось нарративами патернализма и фрустрации. Предприниматели, как правило, апеллировали не к праву, а к категориям справедливого насилия, к доброй воле властной фигуры (в первую очередь губернатора), которая должна запустить маховик возмездия против муниципальных властей. Представители бизнеса и власти признают недееспособность институтов права в защите принципа законности, низкую результативность постановлений прокуратур и судебных решений. Гарантией от произвола, по общему мнению, является не обезличенное право и непреложность закона, а особый режим персонифицированного контроля и уголовного преследования глав муниципалитетов.

Обратилось в прокуратуру 30 человек, а какова их дальнейшая судьба, стало им лучше или нет? Если бы человек понимал, что он обратился к вам, в вас получил союзника, и тот на кого он пожаловался, будет понимать, что эта сторона его всегда поддержит. А он оказывается один на один. Сегодня он пошел за землей, завтра ему нужно получить лицензию. Послезавтра ему нужно получить еще какую-то справку. И будет наткаться на такие ситуации, которые из ряда вон. Я не говорю, что прокуратура никому не помогает, помогает, я знаю. У меня конкретное предложение. Если человек к вам обратился, вы ему помогли, вы в дальнейшем все-таки прослеживайте его судьбу, интересуйтесь (бизнесмен, депутат горсовета Л., запись с круглого стола, 2016).

¹⁶ По данным региональной прокуратуры.

Сравнительный анализ предпринимателей с политической аффилиацией и без нее в плоскости мобилизации закона позволяет заключить следующее. С одной стороны, положение практически любого представителя малого и среднего бизнеса относительно бюрократизированных процедур правоприменения остается достаточно уязвимым. В этой связи дополнительные возможности использования правовых институтов, доступные политически аффилированным бизнесменам, нужно расценивать как способ повышения продуктивности бизнеса и обеспечения его устойчивости. В таком ракурсе политически аффилированные предприниматели могут быть обозначены как привилегированные акторы. С другой стороны, распространенность и устойчивость доступа к инструментам права за счет не рыночных каналов закрепляет неравенство между участниками рынка.

ВЫВОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследование было направлено на анализ того, как различные категории предпринимателей взаимодействуют с законом и его представителями или отказываются от решения вопроса в правовом поле. Я исходила из необходимости проблематизировать дефицит внимания социологов к процессам разворачивания права в плоскости индивидуального поведения и социальных трансакций. Как справедливо отмечают Эвик и Силби, в рамках подхода «право и общество» группы, профессионально не связанные с правовыми институтами, привлекают интерес исследователей только когда они мобилизуют закон (Ewick and Silbey 1998:19).

Описанные установки, практики и образцы поведения разных предпринимателей в ситуациях столкновения с законом показывают, что в условиях институциональной нестабильности важно быть не просто бизнесменом, но активным и изобретательным коммуникатором. Предприниматель в сегодняшней России, который приходит в бизнес всерьез и надолго, должен обладать развитыми навыками адаптации к изменчивым и противоречивым правилам игры, наращивать человеческий и социальный капитал, накапливать практический опыт навигации в поле рынка и политики, закона и конкуренции. Именно эти ресурсы, а не депутатский статус сам по себе или должность во властных структурах, позволяют компенсировать структурную слабость предпринимателя относительно государственной системы.

Политически аффилированных предпринимателей в данном случае можно отнести к тем акторам, которые обладают преимущественным доступом к ресурсам сопротивления институциональной власти и к возможностям их эффективно использования (Ewick and Silbey 2003:1331–1332). Индивидуальный опыт, социальные связи и ресурсы сопротивления, обусловленные статусом, позволяют им успешно применять правовые инструменты для защиты своих интересов. В этом и заключается принципиальное отличие двух групп предпринимателей: одни практикуют стратегическое сопротивление, а вторым доступны только тактические действия. К тактическому сопротивлению прибегают те, кто имеет ограни-

ченный доступ к ресурсам, пригодным для конвертации во власть (статус, сети, деньги, культурный капитал).

Было бы неправильно объяснять ограниченность практик мобилизации закона среди рядовых участников рынка исключительно дефицитом ресурсов и негативным опытом. Нельзя сбрасывать со счетов культурную составляющую: рядовым предпринимателям, как было отмечено, гораздо меньше свойственны установки на сопротивление, навыки правовых тяжб и признаки активистской формы правового сознания. Не случайно в теории повседневной легальности отмечается, что исследования опыта взаимоотношений индивидов с законом основаны на внимании к тому, как люди оценивают события, себя и других в категориях легальности и как они идентифицируют себя относительно власти и государства как основного ее отправителя – (Ewick and Silbey 2003:1339). Предприниматели являются частью российского общества, а россиянам в целом близок образ «маленького человека», беззащитного и беспомощного перед лицом государства (Арутюнян и др. 2008:191). Поэтому исследования отношений российских предпринимателей с законом открывают более фундаментальный вопрос о том, какую роль в формировании правового опыта граждан в переходных экономиках играют ресурсы и убеждения, культура и структура, качество формальных институтов и специфика правового сознания.

Депутаты от бизнеса оказываются в более уязвимом положении по сравнению с коллегами по цеху из других сфер (бюджетники, чиновники), поскольку у муниципальных и региональных органов власти оказываются рычаги давления на них. Хотя собранные мною нарративы недостаточны для обобщающих выводов о рисках для обладателей двойного статуса, взаимоотношения между бизнесменами в легислатурах и представителями власти проливают свет на взаимодействие между исполнительными и представительными органами, а также поднимают вопрос о характере и участниках политических процессов на местах, о способах функционирования режимов в локальных сообществах. Как отмечают Валерий Ледяев и Алла Чирикова, в России эта тема остается недостаточно изученной (Ledyayev and Chirikova 2017).

В проведенном исследовании феномен политически аффилированных предпринимателей раскрывается преимущественно через признак депутатства в представительном органе местного самоуправления или законодательном собрании субъекта Федерации. Эмпирический материал, собиравшийся на протяжении нескольких лет (с 2009 по 2016 годы) в трех регионах России¹⁷, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что сети взаимоотношений с чиновниками разных уровней, доступ к информации, «особые условия» при прохождении контрольно-разрешительных процедур и другие привилегии доступны предпринимателям, которые занимают должности в околоставных структурах. Нарративы тех, кто совмещает бизнес-деятельность с должностными обязанностями в этих структурах, имеют

¹⁷ Сбор эмпирического материала о предпринимателях с депутатским мандатом проводился в Санкт-Петербурге (результаты опубликованы, см.: Сакаева 2012) и в Пермском крае (материал собирался в 2015 году, результаты не опубликованы).

довольно много общего с нарративами обладателей депутатского мандата. Предварительная аналитика материала показала, что в этот список входят следующие креатуры: руководители региональных отделений бизнес-ассоциаций («Опора России», «Деловая Россия»), а также их заместители; руководители торгово-промышленных палат; руководители и члены консультативных советов при органах контроля и надзора (Роспотребнадзор, ФАС России и другие); руководители региональных отделений Общероссийского народного фронта; руководители или члены региональных общественных палат¹⁸. Тот факт, что организации столь разного типа и функционала являются элементами одной структуры, в которой концентрируются ресурсы и влияние, а членство в этих организациях может иметь принципиальную значимость для предпринимательской деятельности, ставит вопрос об источниках власти в локальных сообществах.

Открытым для дискуссии остается вопрос о причинно-следственной связи между депутатским мандатом и описанными преимуществами активизации права и правовых институтов. Получают ли депутаты преимущества в бизнесе только потому, что политически аффилированы? Или они политически аффилированы, то есть обладают реальным политическим ресурсом ввиду уже имеющихся преимуществ? Как подчеркивали несколько моих информантов, предложение баллотироваться в депутаты поступает к тем бизнесменам, которые уже вошли «в тусовку власти и бизнеса». Здесь возникает еще один вопрос. Если предприниматель теряет или ослабляет позиции в бизнесе, рискует ли он потерять депутатское кресло и наоборот?

Вопрос о масштабности присутствия бизнеса в политике в сегодняшней России также остается нераскрытым. До сих пор нет ни одного крупного исследования с данными о количестве частных предпринимателей и представителей корпоративного бизнеса в законодательных и исполнительных органах государственной власти регионального или муниципального уровня. Общим местом стало утверждение о захвате власти бизнесом на местах, однако даже в кейсах по отдельным регионам и городам нет статистики в поддержку этого тезиса (например, см.: Витковская и Рябова 2016). На сегодняшний день представлены данные о присутствии бизнеса в региональных парламентах двух федеральных округов страны – ЦФО и СЗФО (Расторгуев 2012; Sakaeva 2019).

Мое исследование не претендует на охват полного спектра вариаций и логику взаимоотношений с законом в сфере малого бизнеса. Однако оно позволяет сделать вывод о том, что низовые правовые практики в локальных сообществах, формы интерпретации правовых феноменов рядовыми участниками рынка, способы навигации в поле госрегулирования, самоидентификация провинциальных предпринимателей относительно государства особенно ярко отражают значимость социальных аспектов экономической деятельности.

¹⁸ В представленном регионе среди моих информантов был бизнесмен, который занимал руководящие должности (одновременно или последовательно) в трех организациях подобного типа, при этом депутатом никогда не был.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян, Марина, Ольга Здравомыслова и Шанталь Курильски-Ожвэн. 2008. *Образ и опыт права: правовая социализация в изменяющейся России*. М.: Весь мир.
- Блэк, Дональд. 2014. «Поведение закона». С. 131–144 в *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов*, под ред. Эллы Панеях. М.: Статут.
- Витковская, Татьяна и Оксана Рябова. 2016. «Лоббистский потенциал и социальный профиль локальных legislatures (на примере Пермского края)». *Вестник Пермского университета. Политология* 3:180–189.
- Волков, Вадим. 2014. «Влияние социального статуса подсудимого на решение суда». *Журнал социологии и социальной антропологии* 17(4):62–85.
- Журавская, Татьяна. 2011. «“Серый импорт” на российско-китайской границе: что нового?» *Экономическая социология* 12(5):54–71.
- Кравцова, Мария. 2012. «Коррупция в полиции: трансформация отношений с бизнесом». *Экономическая социология* 12(2):82–99.
- Курбатова, Маргарита, Сергей Левин и Наталья Апарина. 2005. «Взаимодействие власти и бизнеса на муниципальном уровне: практики, сложившиеся в Кемеровской области». *Экономическая социология* 6(2).
- Курильски-Ожвэн, Шанталь, Марина Арутюнян и Ольга Здравомыслова. 1996. *Образы права в России и во Франции*. М.: Аспект-Пресс.
- Левин, Сергей. 2014. «Рынки власти, режимы прав собственности и политический ресурс предпринимателей в современной России». *Мир России* 23(4):35–58.
- Олейник, Антон. 2011. *Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Панеях, Элла. 2008. *Правила игры для русского предпринимателя*. М.: Колибри.
- Панеях, Элла. 2013. «Зарегулированное государство». *Pro et Contra* 13(1–2):79–92.
- Расторгуев, Сергей. 2012. «Инкубенты-бизнесмены в областной законодательной власти в ЦФО в 2000–2011 гг.». *Полит. Политические исследования* 4:117–125.
- Сакаева, Мария. 2012. «Парламент как “окно возможностей”: исследование поведения предпринимателей с депутатским мандатом в ходе реализации рыночных интересов». *Экономическая социология* 13(3):96–123.
- Сакаева, Мария. 2015. «Спрос предпринимателей на социальный капитал в поле рынка и политики». *Журнал социологии и социальной антропологии* 18(1):110–122.
- Сакаева, Мария. 2016. «Бизнесмены в законодательных собраниях регионов: статус как защита и преференция». *Социологические исследования* 4:142–146.
- Титаев Кирилл, Арина Дмитриева и Ирина Четверикова. 2014. «Государство и бизнес в арбитражном процессе». *Вопросы экономики* 6:40–62.
- Титаев, Кирилл, Ирина Четверикова, Ольга Шепелева и Мария Шклярчук. 2017. *Проблема правоохранительного давления на бизнес: ложные послылки и бесперспективные предложения*. Аналитический обзор. М.: ИПП; ЦСР.
- Хамфри, Кэрлайн. 2010. *Постсоветские трансформации в Азиатской части России*. *Антропологические очерки*. М.: Наталис.
- Чепуренко, Александр. 2017. «Предпринимательская активность в постсоциалистических странах Европы: методология и ограничения исследования». *Форсайт* 11(3):11–24.
- Четверикова, Ирина. 2016. «Либеральные реформы уголовного законодательства в сфере экономической деятельности 2009–2012 гг. и судебная практика». *Вопросы экономики* 6:91–115.
- Эвик, Патрисия и Сьюзан Силби. 2014. «Обыкновенное право: истории из повседневной жизни. Часть третья». С. 221–245 в *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов*, под ред. Эллы Панеях. М.: Статут.
- Яковлев, Андрей и Тимоти Фрай. 2007. «Реформы в России глазами бизнеса». *Pro et Contra* 11(4–5):118–134.

- Aidis, Ruta. 2005. "Entrepreneurship in Transition Countries: A Review." Economics Working Papers 61, Centre for the Study of Economic and Social Change in Europe, UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES), UK. <http://discovery.ucl.ac.uk/17505>.
- Batjargal, Bat. 2007. "Comparative Social Capital: Networks of Entrepreneurs and Venture Capitalism in China and Russia." *Management and Organization Review* 3(3):397–419.
- Chepurenko, Alexander. 2018. "Small Family Business in Russia: Formal or Informal?" *International Journal of Sociology and Social Policy* 38(9–10):809–822.
- Ewick, Patricia, and Susan Silbey. 1998. *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ewick, Patricia, and Susan Silbey. 2003. "Narrating Social Structure: Stories of Resistance to Legal Authority." *American Journal of Sociology* 108(6):1328–1372.
- Faccio, Mara. 2006. "Politically Connected Firms." *American Economic Review* 96(1):369–386.
- Friedman, Lawrence. 1971. "The Idea of Right as a Social and Legal Concept." *Social Issues* 27(2):189–198.
- Gagliarducci, Stefano, Tommaso Nannicini, and Paolo Naticchioni. 2009. "Moonlighting Politicians." *Journal of Public Economics* 94(9–10):688–699.
- Gehlbach, Scott, Konstantin Sonin, and Ekaterina Zhuravskaya. 2010. "Businessman Candidates." *American Journal of Political Science* 54(3):718–736.
- Geys, Benny, and Karsten Mause. 2013. "Moonlighting Politicians: A Survey and Research Agenda." *Journal of Legislative Studies* 19(1):76–97.
- Hadani, Michael, and Douglas A. Schuler. 2013. "In Search of El Dorado: The Elusive Financial Returns on Corporate Political Investments." *Strategic Management Journal* 34(2):165–181.
- Hendley, Kathryn, Peter Murrell, and Randi Ryterman. 2000. "Law, Relationships and Private Enforcement: Transactional Strategies of Russian Enterprises." *Europe-Asia Studies* 52(4):627–656.
- Ledyayev, Valeri, and Alla Chirikova. 2017. "Power in Local Russian Communities: Patterns of Interaction between Legislative and Executive Branches of Local Government." *Urban Affairs Review* 53(6):990–1024.
- Markus, Stanislav. 2015. *Property, Predation and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mather, Lynn. 2011. "Law and Society." Pp. 235–250 in *The Oxford Book of Political Science*, edited by Robert E. Goodin. Oxford: Oxford University Press.
- Polese, Abel. 2014. "Drinking with Vova: An Individual Entrepreneur between Illegality and Informality." Pp. 85–101 in *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, edited by Jeremy Morris and Abel Polese. London: Routledge.
- Rochlitz, Michael. 2017. "Violent Pressure on Business and the Size of the Informal Economy: Evidence from Russian Regions." Pp. 173–193 in *The Informal Economy in Global Perspective: Varieties of Governance*, edited by Abel Polese, Colin C. William, Ioana A. Horodnic, and Predrag Bejakovic. N.p.: Palgrave Macmillan.
- Sakaeva, Maria. 2019. "Moonlighting Politicians in Russia: Defense Capacities of Businesspeople in Regional and Local Legislatures." *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 27(1):75–99.
- Silbey, Susan, and Austin Sarat. 1987. "Critical Traditions in Law and Society Research." *Law & Society Review* 21(1):165–174.
- Szakonyi, David. 2018. "Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns." *American Political Science Review* 112(2):322–338.
- Varese, Federico. 2001. *The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy*. Oxford: Oxford University Press.
- Webb, Justin W., Garry D. Bruton, Laszlo Tihanyi, and R. Duane Ireland. 2013. "Research on Entrepreneurship in the Informal Economy: Framing a Research Agenda." *Journal of Business Venturing* 28(5):598–614.

“BLACK SWAN” AND OTHER RULES OF EVERYDAY LEGALITY IN SMALL BUSINESS: COMPARATIVE ANALYSIS OF “ORDINARY” AND POLITICALLY CONNECTED ENTREPRENEURS IN RUSSIA

Maria Sakaeva

Maria Sakaeva is a senior researcher at Ukhta State Technical University. Address for correspondence: Pervomaiskaia ul., 13, Ukhta, 169300, Komi Republic, Russian Federation. eu.sakaeva@gmail.com.

On the basis of qualitative data collected in one Russian region in 2013–2016, the article considers everyday legality for small entrepreneurs and how the law appears and materializes in their social experience, substantially influenced by the norms and requirements of state regulation. The article analyzes how entrepreneurs cope with the law, legal institutions, and authorities—how and why they apply the law (or refuse to do so) in interactions with state bodies and officials. This topic is highly relevant due to the overregulation of the economy and of the state in contemporary Russia. Entrepreneurs in this study are defined as social actors who are not only the objects of influence from the law, but who form the field for implementing the law through their own entrepreneurial activity.

The research shows why and how experiences and resources arising from political affiliation open up a wide range of actions with the law and its agents for entrepreneurs elected to regional and local legislatures. The study reveals that “ordinary” entrepreneurs have access to a certain set of possibilities for maneuvering within the system of state regulation and they are able to protect themselves in coping with the state and its agents. A comparative analysis of everyday legality of politically affiliated and “ordinary” entrepreneurs shows that different resources, previous experiences, and status trigger the restrictive or permissive effects of formal institutions in the process of entrepreneurial activity.

The main idea of the study is that political affiliation should not be understood solely as a source of privileges and favorable conditions. Political status causes the emergence of various tactics of resistance to the rules of state regulation (from informal nets to lawsuits to the court). However, a seat in an elected body does not guarantee that one will be granted exceptions to the rules of the game. It unfolds within the specific social space of a small city, where it is impossible to draw a line between formal and informal, between law on the books and law in action.

Keywords: Entrepreneurship; Everyday Legality; Mobilization of Law; Post-Soviet Studies; Politically Connected Business; State Regulation

REFERENCES

- Aidis, Ruta. 2005. "Entrepreneurship in Transition Countries: A Review." Economics Working Papers 61, Centre for the Study of Economic and Social Change in Europe, UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES), UK. <http://discovery.ucl.ac.uk/17505>.
- Arutiunian, Marina, Ol'ga Zdravomyslova, and Shantal' Kuril'ski-Ozhven. 2008. *Obraz i opyt prava: Pravovaia sotsializatsiia v izmeniaiushcheisia Rossii*. Moscow: Ves' Mir.
- Batjargal, Bat. 2007. "Comparative Social Capital: Networks of Entrepreneurs and Venture Capitalism in China and Russia." *Management and Organization Review* 3(3):397–419.
- Black, Donald. 2014. "Povedenie zakona." Pp. 131–144 in *Pravo i pravoprimerenie v zerkale sotsial'nykh nauk: Khrestomatiia sovremennykh tekstov*, edited by Ella Paneyakh. Moscow: Statut.
- Chepurenko, Alexander. 2017. "Predprinimatel'skaia aktivnost' v postsotsialisticheskikh stranakh Evropy: Metodologiya i ogranicheniia issledovaniia." *Forsait* 11(3):11–24.
- Chepurenko, Alexander. 2018. "Small Family Business in Russia: Formal or Informal?" *International Journal of Sociology and Social Policy* 38(9–10):809–822.
- Chetverikova, Irina. 2016. "Liberal'nye reformy ugovnogo zakonodatel'stva v sfere ekonomicheskoi deiatel'nosti 2009–2012 gg. i sudebnaia praktika." *Voprosy ekonomiki* 6:91–115.
- Ewick, Patricia, and Susan Silbey. 1998. *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ewick, Patricia, and Susan Silbey. 2003. "Narrating Social Structure: Stories of Resistance to Legal Authority." *American Journal of Sociology* 108(6):1328–1372.
- Ewick, Patricia, and Susan Silbey. 2014. "Obykvennoe pravo: Istorii iz povsednevnoi zhizni. Chast' tret'ia." Pp. 221–245 in *Pravo i pravoprimerenie v zerkale sotsial'nykh nauk: Khrestomatiia sovremennykh tekstov*, edited by Ella Paneyakh. Moscow: Statut.
- Faccio, Mara. 2006. "Politically Connected Firms." *American Economic Review* 96(1):369–386.
- Friedman, Lawrence. 1971. "The Idea of Right as a Social and Legal Concept." *Social Issues* 27(2):189–198.
- Gagliarducci, Stefano, Tommaso Nannicini, and Paolo Naticchioni. 2009. "Moonlighting Politicians." *Journal of Public Economics* 94(9–10):688–699.
- Gehlbach, Scott, Konstantin Sonin, and Ekaterina Zhuravskaya. 2010. "Businessman Candidates." *American Journal of Political Science* 54(3):718–736.
- Geys, Benny, and Karsten Mause. 2013. "Moonlighting Politicians: A Survey and Research Agenda." *Journal of Legislative Studies* 19(1):76–97.
- Hadani, Michael, and Douglas A. Schuler. 2013. "In Search of El Dorado: The Elusive Financial Returns on Corporate Political Investments." *Strategic Management Journal* 34(2):165–181.
- Hendley, Kathryn, Peter Murrell, and Randi Ryterman. 2000. "Law, Relationships and Private Enforcement: Transactional Strategies of Russian Enterprises." *Europe-Asia Studies* 52(4):627–656.
- Humphrey, Caroline. 2010. *Postsovetskie transformatsii v Aziatskoi chasti Rossii: Antropologicheskie ocherki*. Moscow: Natalis.
- Iakovlev, Andrei, and Timothy Frye. 2007. "Reformy v Rossii glazami biznesa." *Pro et Contra* 11(4–5):118–134.
- Kravtsova, Mariia. 2012. "Korruptsiia v politsii: Transformatsiia otnoshenii s biznesom." *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 12(2):82–99.
- Kurbatova, Margarita, Sergei Levin, and Natal'ia Aparina. 2005. "Vzaimodeistvie vlasti i biznesa na munitsipal'nom urovne: Praktiki, slozhivshiesia v Kemerovskoi oblasti." *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 6(2):50–69.
- Kuril'ski-Ozhven, Shantal', Marina Arutiunian, and Ol'ga Zdravomyslova. 1996. *Obrazy prava v Rossii i vo Frantsii*. Moscow: Aspekt-Press.
- Ledyayev, Valeri, and Alla Chirikova. 2017. "Power in Local Russian Communities: Patterns of Interaction between Legislative and Executive Branches of Local Government." *Urban Affairs Review* 53(6):990–1024.

- Levin, Sergei. 2014. "Rynki vlasti, rezhimy prav sobstvennosti i politicheskii resurs predprinimatelei v sovremennoi Rossii." *Mir Rossii* 23(4):35–58.
- Markus, Stanislav. 2015. *Property, Predation and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mather, Lynn. 2011. "Law and Society." Pp. 235–250 in *The Oxford Book of Political Science*, edited by Robert E. Goodin. Oxford: Oxford University Press.
- Oleinik, Anton. 2011. *Vlast' i rynek: Sistema sotsial'no-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii "nulevykh" godov*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia.
- Paneyakh, Ella. 2008. *Pravila igry dlia russkogo predprinimatelia*. Moscow: Kolibri.
- Paneyakh, Ella. 2013. "Zaregulirovannoe gosudarstvo." *Pro et Contra* 13(1–2):79–92.
- Polese, Abel. 2014. "Drinking with Vova: An Individual Entrepreneur between Illegality and Informality." Pp. 85–101 in *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, edited by Jeremy Morris and Abel Polese. London: Routledge.
- Rastorguev, Sergei. 2012. "Inkumbenty-biznesmeny v oblastnoi zakonodatel'noi vlasti v TsFO v 2000–2011 gg." *Polis: Politicheskie issledovaniia* 4:117–125.
- Rochlitz, Michael. 2017. "Violent Pressure on Business and the Size of the Informal Economy: Evidence from Russian Regions." Pp. 173–193 in *The Informal Economy in Global Perspective: Varieties of Governance*, edited by Abel Polese, Colin C. William, Ioana A. Horodnic, and Predrag Bejakovic. N.p.: Palgrave Macmillan.
- Sakaeva, Maria. 2012. "Parlament kak 'okno vozmozhnostei': Issledovanie povedeniia predprinimatelei s deputatskim mandatom v khode realizatsii rynochnykh interesov." *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 13(3):96–123.
- Sakaeva, Maria. 2015. "Spros predprinimatelei na sotsial'nyi kapital v pole rynka i politiki." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 18(1):110–122.
- Sakaeva, Maria. 2016. "Biznesmeny v zakonodatel'nykh sobraniiah regionov: Status kak zashchita i preferentsiia." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 4:142–146.
- Sakaeva, Maria. 2019. "Moonlighting Politicians in Russia: Defense Capacities of Businesspeople in Regional and Local Legislatures." *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 27(1):75–99.
- Silbey, Susan, and Austin Sarat. 1987. "Critical Traditions in Law and Society Research." *Law & Society Review* 21(1):165–174.
- Szakonyi, David. 2018. "Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns." *American Political Science Review* 112(2):322–338.
- Titaev, Kirill, Irina Chetverikova, Olga Shepeleva, and Mariia Shkliaruk. 2017. *Problema pravookhranitel'nogo davleniia na biznes: Lozhnye posylki i besperspektivnye predlozheniia. Analiticheskij obzor*. Moscow: IPP; TsSR.
- Titaev, Kirill, Arina Dmitrieva, and Irina Chetverikova. 2014. "Gosudarstvo i biznes v arbitrazhnom protsesse." *Voprosy ekonomiki* 6:40–62.
- Varese, Federico. 2001. *The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy*. Oxford: Oxford University Press.
- Vitkovskaia, Tat'iana, and Oksana Riabova. 2016. "Lobbistskii potentsial i sotsial'nyi profil lokal'nykh legislatur (na primere Permskogo kraia)." *Vestnik Permskogo universiteta: Politologiia* 3:180–189.
- Volkov, Vadim. 2014. "Vliianie sotsial'nogo statusa podsudimogo na reshenie suda." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 17(4):62–85.
- Webb, Justin W., Garry D. Bruton, Laszlo Tihanyi, and R. Duane Ireland. 2013. "Research on Entrepreneurship in the Informal Economy: Framing a Research Agenda." *Journal of Business Venturing* 28(5):598–614.
- Zhuravskaia, Tat'iana. 2011. "Seryi import na rossiisko-kitaiskoi granitse: Chto novogo?" *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 12(5):54–71.